Г.Г. ПИСКЕЕВА
учитель МОУ СОШ № 15 г. Благовещенска

В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ВЛАДИСЛАВА ЛЕЦИКА

Владислав Лецик – известный амурский писатель, запомнившийся читателям XX века повестями «Дед Бянкин – частный сыщик», «Пара лапчатых унтов», рассказами «Раз на раз не приходится», «Петух с глушителем», «Божья роса» и др.

Перед читателями третьего тысячелетия писатель предстал в новой ипостаси – поэта. Однако следует отметить, что свой творческий путь Лецик начинал именно как поэт. В автобиографии от 2002 года он отмечал, что «стихи начал писать в пятнадцать лет, но в семнадцать как-то забросил. Писал иногда шуточные». На втором курсе пединститута «соорудил довольно большую штучку, жанр которой определил в подзаголовке "Оптимистическая трагедия в прозе и стихах"». Само же произведение, по словам автора, имело заголовок «не шибко ароматный»: «Огонь, вода и канализационные трубы». «Трагедия» была опубликована в институтской многотиражке «За педагогические кадры» в канун 1965 года. Это и был печатный дебют Лецика.

Затем на несколько десятилетий Владислав Григорьевич отошёл от стихосложения. И только в последнее время на «шестом десятке, опять стал, как в юности, пописывать стихи».

В 2000 году на страницах литературно-художественного альманаха «Приамурье» в рубрике «Место для редактора» были опубликованы стихотворения «Гений тот, кто вдруг спонтанно…» и «Скажу, пусть и не буду понят…» В 2004 году в альманахе «Амур» вышли его переводы англоязычных стихов Владимира Набокова, сопровождённые превосходной по слогу и стилю статьёй «От переводчика, или Видение о любви и ревности». На наш взгляд, выступив в роли переводчика, Владислав Григорьевич сумел отыскать очень точные интонации, жанровые и языковые формы, абсолютно соответствующие замыслу великого поэта.

С этого периода времени нечасто, скупыми порциями, поэтические произведения печатаются в литературно-художественном альманахе «Амур».

Стихотворения разноплановы по тематике, жанровой принадлежности, композиции, речевому оформлению, но объединяет их, делает узнаваемыми из сотен других яркая эмоциональность, личностное отношение автора ко всему, о чём он пишет, и собственное видение проблем, о которых идёт речь в произведениях.

Поэт создаёт свой мир, который не оставляет равнодушным никого: ни хорошо знающих его творчество, ни впервые прикоснувшихся к родникам души мастера слова.

Темы, рассматриваемые автором, понятны и близки читателю: Лецик говорит о вере и безверии, о любви и нелюбви, о верности и предательстве. Казалось бы, об этом уже столько раз говорилось, что ничего нового добавить нельзя. Однако у Владислава Григорьевича свой, не похожий ни на кого взгляд и особое представление этих тем.

Основная масса стихотворений была опубликована в двух выпусках альманаха «Амур» – в 2005 и 2008 гг. Считаем целесообразным рассматривать их в такой же последовательности. Обратимся к подборке, представленной на суд читателей в альманахе от 2005 года. Произведения разные по объёму: от шестистишия «Подлодка затонула» до значительного по размеру «Когда ты меня разлюбишь…» Проблемы, рассматриваемые поэтом, тоже разные, но объединяет все стихотворения иронический, иногда саркастичный тон, хлёсткий, непривычный для поэтического слога язык, осознание сопричастности автора ко всему, о чём он говорит.

Так, в стихотворении «Скажу, пусть и не буду понят…» лирический герой размышляет о месте поэта и поэзии в современном мире, о непростом пути творца.

Эпиграфом к данному произведению является строка из шестой главы романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина – «Лета к суровой прозе клонят», которая несёт большую идейную нагрузку и показывает путь автора от прозы к поэзии как к

способу выражения своего «я». Традиционно же мастера слова начинают со стихосложения и много позже пробуют себя как прозаики. Опыт Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Бунина – тому подтверждение.

Творческим поискам В. Лецика присуща своеобразная кольцевая композиция: от поэзии – к прозе – и опять к поэзии. Отсюда становится понятен перифраз пушкинской строки, ставший своеобразным рефреном: «Лета к суровой рифме клонят», «Лета суровой тайной дразнят», «Лета к желанной рифме манят», что позволяет проследить движения творческой мысли поэта. Автор говорит о том, что непросто изменить свой путь:

Лета суровой тайной дразнят:
Тебе разгадки не видать,
Истлей в мучительном соблазне,
Прими любые в мире казни –
В твой стих не снидет благодать![1]

В автобиографии Лецик отмечает, что с началом перестройки и возможностью публиковать всё и обо всём тоже поддался соблазну «вкачать что-нибудь такое, изобличающее», но, почуяв «в своей стряпне некую фальшь, почти всё написанное уничтожил». Не всякий творец способен на такой шаг, поэтому автор имеет полное право заявить о себе:

В тебе заноза на занозе,
На шраме шрам, ты шёл, страдал…
…Да, ты в своей суровой прозе –
Седой и честный генерал[2].

Строение стихотворения – ещё одно свидетельство того, что решение автора было непростым, он не сразу смог признаться себе в том, что прозу перерос: произведение состоит из

[1] Амур: Литературно-художественный альманах. № 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 8.
[2] Там же.

пяти строф, разных по объёму. Каждая строфа – микротекст с определённым сюжетом: первая, состоящая из тринадцати строк, – понимание лирического героя, что он чувствует себя готовым для поэтического творчества, но: «Рифма рявкнула, как зверь: / Куда? То для титанов дверь…»

Вторая строфа – пятистишие – смятение, сомнения героя: «…Тебе разгадки не видать… / В твой стих не снидет благодать!»

Третья строфа – шестистишие – своеобразная самозащита героя, объясняющая его право на обращение к стихотворчеству: «Но ты был стоек и удал… / Немало ты дорог видал».

Четвёртая строфа – восьмистишие – реминисценция лермонтовского «Выхожу один я на дорогу» – дань уважения молодому, рано ушедшему из жизни поэту, преклонение перед его мастерством: «Но как смущён твой бравый вид, / Когда поручик на дорогу / Выходит тихо…»; «И строчка, взмыв в ночной зенит, / Так со звездою говорит, / Что и пустыня внемлет Богу»[3].

И, наконец, пятая строфа – катрен – лирическое отступление, за которым видится трудный, непростой творческий путь автора, и некоторое сожаление, что уже не будет лёгкости в восприятии мира и передаче своих эмоций читателю: «Всё те ж лета мне взор туманят / И клонят голову к земле».

Интересно языковое оформление данного произведения: поэт использует слова и разговорного, и высокого стиля, переплетая их так, что разговорный стиль воспринимается в данном контексте как единственно возможное и естественное средство выразительности: «надутый дуралей», «рифма рявкнула», «пшёл отсель!» Использование реминисцентного выражения из сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке» – «в разбитое корыто» – позволяет читателю воссоздать картину происшедшего и понять, что лирический герой начинает творческий путь с «чистого листа», оставив за спиной прошлое.

Слова высокого стиля «лета», «благодать», «зенит», «внемлет Богу» отображают отношение лирического героя и вместе

[3] Там же. С. 9.

с ним автора к поэзии, к процессу стихосложения как к чему-то возвышенному, космическому.

Динамичность картины создаётся с помощью глаголов и глагольных форм, которых в стихотворении около сорока. Этот приём позволяет читателю проследить развитие действия, поступательность мыслей и чувств автора.

Ярким средством выразительности и особенностью композиции в прозаических и поэтических произведениях является эпиграф, который чаще всего выполняет две функции: отображать идею произведения или же выступать в роли контраста к канве повествования. Лецик отступает от этой традиции. В его творчестве эпиграф – это интрига, будоражащая фантазию читателя. Наиболее показательным в данном случае является стихотворение «Скажите, сударь, кто угробит мир?» Выражение, взятое в качестве эпиграфа: «Мир спасёт красота», давно стало штампом и стало интерпретироваться следующим образом: «Мир спасёт красота? – Вот пусть себе и спасает!»

Данную заштампованность поэт подчёркивает, используя пунктуационные и графические средства выразительности, как то: курсив, знаки умолчания, сокращение слов – при оформлении эпиграфа: «"Мир спасёт красота… Мир спасёт…" и т.д. и т.п. Достоевский – и др. и пр.»[4]. Столь неординарный подход заставляет по-иному прочесть стихотворение и задуматься над подтекстом.

Интересна композиция произведения: оно построено в форме диалогов: лирического героя и читателя, Емели и Джордано Бруно. Лирический герой спрашивает читателя не о том, что спасёт красота, а о том, «что угробит мир?» Данное композиционное решение нашло выход в пунктуационном оформлении – первая строфа состоит только из вопросительных предложений. Герой прямым обращением к читателю: «Скажите, сударь», «Ответы ваши, сударь, горячи» – делает его прямым участником диалога и заставляет искать ответ на вопрос: «Кто угробит мир?»: Джордано Бруно, который, «презревши… пламя

[4] Там же. С. 9.

пыток, / Своих идей разматывает свиток, / Чтоб взять нас на спасительный буксир, – / Или дурак Емеля, чей кумир – / Невозмутимейшая из улиток?» Извечные вопросы: что раньше появилось: яйцо или курица? кто правит миром: человек или вещи? кто движет историю: отдельная личность или народные массы? – нашли столь неординарное переосмысление в стихотворении, что читатель невольно включается в диалог и начинает тоже размышлять над поставленными вопросами и предлагать своё видение проблемы.

Ответ лирического героя на им же самим поставленный вопрос поначалу шокирует:

Кто создал мир – Тот сладит миру гроб
Руками мудреца – или балбеса.

Однако далее развитие темы приобретает совершенно неожиданное продолжение:

Но вдруг мне видится: сошлись те двое…Стоп!
Ведь ждёт Емелю гладкая прынцесса,
Ведь ждёт Джордано огненная месса…
Но по плечам они друг дружку – хлоп!
– Ты, брат Эмилио, отнюдь не губошлёп!
– Э-э, Бруныч, да и ты – не так уж чтоб
Совсем… того… Ты – нашего замеса!..
И улыбаются. И падает завеса,
И в небесах гниёт ненужный гроб.

В этом произведении подняты важные вопросы бытия: об ответственности за сказанное слово, за совершённые поступки не только перед собой, но и перед последующими поколениями. Автор акцентирует внимание читателя на том, что окружающий мир хрупок, и неосторожное движение может привести к необратимым последствиям: «В лоб, по лбу ли, но страшной будет рана – / Джордано ли сгорит в Емелиной печи / Иль печь Емелина в космической ночи / Сорвётся в ад с орбит…» Обращение

к образу реального героя – итальянского философа-идеалиста Джордано Бруно и сказочного персонажа русской народной сказки Емели глубоко символично: можно предполагать, что в современной политической и экономической ситуации объединение Европы и России по многим вопросам принесёт им взаимную выгоду.

Не менее важную идейно-тематическую нагрузку несут посвящения, которые предпосланы Лециком к части стихотворений. Рассмотрим одно из них – к стихотворению «На шикарной стервы ножки…» Оно, на наш взгляд, является знаковым: «Нынешнему русскому мужчине, а значит – себе любимому». Несмотря на то, что прошло более четырёх лет после его публикации, стихотворение не утратило актуальности. Содержание произведения соответствует русской поговорке «Не в бровь, а в глаз» – оно очень жёсткое, бескомпромиссное. Автор призывает мужчин вспомнить о том, что они – сильный пол, поэтому прятаться от трудностей, жаловаться на судьбу, бежать из страны только потому, что в России жить трудно – это не выход из положения.

Идею мы сформулировали следующим образом: «Если человек не хочет изменить что-то в себе и в своей жизни, то всё, что происходит с ним и вокруг него, он сам заслужил».

Использование выражений низкой стилистической окраски («шикарной стервы», «не давите косяка», «попрошайка», «мозги усохли»), яркая эмоциональность, публицистичность второй и третьей строф приводят к пониманию, что стихотворение – крик души автора, которому больно и стыдно за представителей сильного пола, предпочитающих обвинять весь мир и окружающих, заливать горе водкой, нежели искать выход из сложившейся ситуации. Импонирует и то, что автор не отделяет себя от читателей. Свидетельство тому – слова посвящения: «себе любимому».

В автобиографии Лецик говорит, что не писал на темы сиюминутные, имеющие конъюнктурную направленность, потому что «художник – животное одинокое, и в стаде ему нельзя быть». Поэтому, когда в 2001 году произошла трагедия с под-

водной лодкой «Курск», он остался верен своим принципам – не писать произведения «на злобу дня», и опубликовал стихотворение «Подлодка затонула» только через четыре года после случившегося. Невольно вспоминается, что когда произошла эта трагедия, газеты пестрели статьями, стихотворениями, размышлениями по поводу случившегося. Через семь лет ни о лодке, ни о людях не вспоминает никто. Из стихотворения нельзя выбросить ни слова, оно воспринимается как единое целое. Цитаты из него тоже неуместны. Хочется отметить, что автор верен себе и своим идеалам: он не отделяет себя от всего народа и слова упрёка – это упрёк не только читателю, но и самому себе. Одним предложением автор подвёл итог разбирательствам по поводу гибели ста сорока человек: никто не виноват, никто не понёс наказания, а что люди погибли – так в России-матушке это привычное явление:

Подлодка затонула. Подлость в том,
Что мы при том визжали всем гуртом,
А толку – нуль. Не жить парням на свете.
Газетная слеза – какой фантом!..
И никого не выпорют кнутом
На этой обтекаемой планете (курсив мой. – *Г.П.*)

Подборка стихотворений, опубликованных в альманахе «Амур» за 2008 год[5], коренным образом отличается от ранее напечатанных. Здесь автор видится более лиричным, приоткрывшим тайны своего сердца, вынесшим на суд читателя глубоко личные, интимные переживания, мысли и чувства.

К прежним темам прибавились новые, в первую очередь, тема веры, Божьего милосердия и тема детства.

Теме детства посвящено стихотворение «Археология». На первый взгляд, название не соотносится с содержанием, но, познакомившись с произведением, читатель понимает метафоричность названия и соглашается с автором в том, что каждый че-

[5] *Лецик В.* Стихи // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 2-4.

ловек – археолог, который в тайниках своей памяти может найти как доброе, светлое, так и трагичное:

Случайно ковырнул завалы памяти –
И вдруг сверкнул далёкий детский день.
Я обомлел: эй, все!.. Ах, нет… – ступайте,
Для вас моя находка – дребедень.

Воспоминания о детстве противопоставляются размышлениям взрослого, умудрённого жизнью человека. Несколькими строками-штрихами автор рисует картины детства, которые, как яркие вспышки в археологических раскопках взрослого человека, озаряют его старость:

«Он пе-ервый, мам!..» – В углу упрямцем каменным
Извёстку нюхаю, а в горле – злой комок…

И в поле выбегающие улочки,
Что муравой зелёной заросли,
Рыбалка, наспех срезанные удочки,
В руке карасик – и закат вдали…

И чудо величайшее Вселенной –
Соседской Лорки локон золотой!

Воспоминания, которые, как в калейдоскопе, мелькают перед внутренним взором героя, близки и понятны читателю и при прочтении создают ощущение причастности к происходящему. Анафорическое построение второй строфы: «Там живы… Там ласточки… Там овраг… Там молоко… Там Эдя-Брэдя» – ещё больше расширяет грань между прошлым и настоящим. Оценочные эпитеты, цветовые прилагательные: «поцелуем сладким», «станции родимой», «чудо величайшее», «муравой зелёной», «локон золотой», экспрессивный глагол «обомлел» – обозначают, что детство для героя – это незабываемое ощущение радости и счастья.

В настоящем же – «Для вас моя находка – дребедень». Читатель не знает, что произошло с лирическим героем, но понимает, что к закату жизни тот подошёл один, ему не с кем поделиться воспоминаниями:

Ты горестна, сердец археология!
Находки те – в музее снов моих.
Когда паду в конце своей дороги я,
Безмолвный прах останется от них.

В ряде стихотворений, посвящённых теме любви, читатель видит разного героя: ироничного: «Есть сделка – верьте, не верьте вы…», бескомпромиссного: «Я не верю в любовь на полставки», страдающего от неразделённой любви: «Смотрю на чёрный телефон», безоглядно влюблённого: «Предрассветное», «Всё забыто – и взлёты, и промахи».

Все произведения привлекают внимание неординарным подходом в реализации темы. Так, в стихотворении «Есть сделка – верьте, не верьте вы…» автор иронизирует над прагматизмом в любви:

Есть сделка – верьте, не верьте вы –
Меж Марфою и Кузьмою:
Она ему – Двадцать третьего,
А он её – на Восьмое.

Автор, наблюдая за жизнью своих героев, приходит к выводу: всё у них ясно, размеренно, предсказуемо: «цветник у вас дважды в году», «различаете только картошку да лебеду». И пытается определить своё место:

А солнце взойдёт – и нелепо
Мечусь меж цариц и богинь.
То розу жую, словно репу,
То нежно вдыхаю полынь.

Отдельно в лирике Лецика стоят три стихотворения, имеющие точную датировку: «Агасфер» – 6 марта 2008 г.; «Панночка» и «Стоишь у моря, гордость финикийцев» – 4 апреля 2008 г. Все они объединены одной темой – темой утраты. В «Панночке» рассказывается о неизбывном горе родителей, потерявших сына. Основой сюжета послужили реминисцентные переклички с повестью Гоголя «Вий». Несколькими штрихами автор показал жестокость и бессердечность молодой красивой девушки и наивность, неприспособленность к женскому коварству юноши. Тема стара, как мир. Но Лецик исследует её по-новому: он задаётся вопросом: а что чувствуют родители? Невольно вспоминаются слова из поэмы Твардовского «По праву памяти»: «А мать? / Но сказано: два мира, / И ничего о матерях…» И пусть в произведениях описаны разные жизненные ситуации, но объединяет их то, что родители, потерявшие ребёнка – неважно, в военное или мирное время – остаются один на один со своей болью, и ничто её успокоить не может.

Выше уже отмечалось, что в альманахе «Амур-2008» впервые в лирике Лецика прозвучала тема христианского милосердия, всепрощения. Показательным в этом плане является стихотворение «Агасфер». Герой произведения, согласно христианской средневековой легенде, во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу под бременем креста оскорбительно отказал ему в кратком отдыхе и велел идти дальше. За это ему самому отказано в покое могилы. До Второго пришествия Христа он обречён из века в век безостановочно скитаться, подобно Каину, которого Бог обрёк на скитания, запретив лишать его жизни. Идея произведения близка и понятна каждому, читавшему его. Но не каждый способен сказать так, как это сказал Лецик устами лирического героя:

Мы все кого-то, так или иначе,
Ударили. Безжалостней хлыста
Слепое слово просвистит. А значит,
Мы все в свой срок ударили Христа.

Самоанализ, который устраивает герой, беспощаден, даже жесток, но при этом справедлив и приводит к пониманию: строже, чем ты сам, никто тебя осудить не может. Невольно вслед за героем читатель вспоминает свои ошибки – вольные и невольные – и соглашается с каждым словом, вложенным автором в уста героя:

Я многих бил – неправедно сурово.
Иных уж нет, они уж не простят.

…я сам себя спросил:
Ну, а скажи – простил бы сам себя ты?..
Вот так-то. Это свыше всяких сил.

И всё же, как истинный гуманист, автор оставляет надежду и для своего героя, и для нас, читателей:

Простят ли там, за гранью сей юдоли,
Известно лишь предвечному Отцу.

Произведения Владислава Лецика приятно просто читать потому, что он ничего не навязывает читателю, в его поэзии отсутствует назидательность, нет готовых формул и рецептов, зато есть много недосказанностей, как в разговоре с уважаемым и умным человеком. Он считает нужным обращаться к разуму и чувствам каждого конкретного читателя, от этого его стихотворения приобретают искренность и проникновенность.